

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

VOL.3 № 2

2026

XOLID HUSAYNIY ROMANLARINING JARONAT VA XOTIRA POETIKASIDAGI O‘ZIGA XOSLIGI

Shadiyeva Lola Baxodirovna
Buxoro davlat universiteti, magistrant

Annotatsiya

Maqolada “Shamol ortidan yugurshi”, “Ming quyosh shu’lasi” va “Tog‘lar ham sado berdi” romanlarining o‘ziga xosligi yaxlit mualliflik loyihasi sifatida tahlil qilinadi. Ushbu loyihada shaxsiy xotira va tarixiy halokat yagona kompozitsion ma’no mexanizmini hosil qiladi. Tahlil markazida jarohatni ifodalashning narrativ strategiyalari, axloqiy tanlov mexanizmlari hamda ramzlar, xronotop va madaniy belgilangan leksika vositasida shaxsiy taqdirni jamoaviy xotira bilan bog‘lash usullari turadi. Tadqiqot uchun romanlarning rus tilidagi nashrlari, shuningdek, syujet arxitektonikasi, fokalizatsiya usullari va asosiy obrazlarning semantik maydonlarini qiyoslash imkonini beruvchi rus tilidagi tanqidiy va ilmiy maqolalar majmui material bo‘lib xizmat qiladi. Asarlardagi iqrorga asoslangan retrospektiv hikoyadan mozaik polifoniyaga o‘tish kompozitsiyaning murakkablashuvi bilan kechishi, biroq mas’uliyat axloqi, gunohni yuvish motivi va avlodlararo aloqa kabi o‘zgarmas invariantlarni saqlab qolishi ko‘rsatib berilgan.

Kalit so‘zlar: travma, xotira, diaspora, xronotop, polifoniya, gunohdan forig‘ bo‘lish, ramz, Afg‘oniston.

СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНОВ ХАЛЕДА ХОССЕЙНИ В ПОЭТИКЕ ТРАВМЫ И ПАМЯТИ

Шадиева Лола Баходировна
Бухарский государственный университет, магистрант

Аннотация

В статье рассматривается своеобразие трех романов «Бегущий за ветром» [8], «Тысяча сияющих солнц» [9] и «И эхо летит по горам» [10] как целостного авторского проекта, в котором личная память и историческая катастрофа образуют общую композиционную машину смысла. В центре анализа находятся нарративные стратегии репрезентации травмы, механизмы этического выбора и способы прошивания частной судьбы с коллективной памятью через символы, хронотоп и культурно маркированную лексику. Материалом служат русскоязычные издания романов и корпус русскоязычной критики и научных публикаций, позволяющий сопоставить сюжетную архитектуру, режимы фокализации и семантические поля ключевых образов. Показано, что эволюция от исповедального ретроспективного повествования к мозаичной полифонии сопровождается усложнением композиции, но сохраняет устойчивые инварианты: этику ответственности, мотив искупления и фигуры межпоколенческой связи.

Ключевые слова: травма, память, diaspora, хронотоп, полифония, искупление, символ, Афганистан.

THE DISTINCTIVENESS OF KHALED HOSSEINI’S NOVELS IN THE POETICS OF TRAUMA AND MEMORY

Shadiyeva Lola Baxodirovna

Bukhara State University, Master's Student

Abstract

The article examines the distinctiveness of the novels «The Kite Runner», «A Thousand Splendid Suns», and «And the Mountains Echoed» as an integral authorial project. Within this project, personal memory and historical catastrophe form a single compositional mechanism of meaning. The analysis focuses on narrative strategies for representing trauma, mechanisms of ethical choice, and the ways in which individual destiny is linked to collective memory through symbols, chronotope, and culturally marked vocabulary. The study draws on the Russian-language editions of the novels, as well as a corpus of Russian-language critical and scholarly articles that makes it possible to compare plot architectonics, modes of focalization, and the semantic fields of key characters. It is shown that the transition from a retrospective confession-based narrative to mosaic polyphony is accompanied by an increasing complexity of composition, while preserving such stable invariants as the ethics of responsibility, the motif of expiation, and intergenerational connection.

Keywords: trauma, memory, diaspora, chronotope, polyphony, release from guilt, symbol, Afghanistan..

Русскоязычное чтение прозы Х.Хоссейни закрепило за его романами статус морально напряженного реализма, где социальная история не служит декорацией, а входит в саму ткань частной биографии как причина, след и повтор. На уровне композиции эта проза обнаруживает редкую устойчивость. В разных сюжетах вновь и вновь воспроизводится ситуация выбора, который не заканчивается в момент действия, а продолжает работать как память, возвращаясь в виде вины, сна, письма, жеста или символа. Именно такая длительная причинность, растянутая на годы и поколения, делает вопрос о своеобразии романов не вкусовым, а исследовательски точным: специфичность проявляется там, где переживание становится нарративной структурой, а структура – этическим аргументом. При этом корпус исследований фиксирует важную рамку, три первых романа разворачиваются в едином художественном хронотопе, соотносимом с Афганистаном конца XX и начала XXI века, и подчинены логике сильных позиций заглавия, рамочного начала и финала как центров смыслообразования.

В теоретической перспективе продуктивным оказывается различие между индивидуальным воспоминанием и культурной памятью как институционализированным знанием, передаваемым через тексты, символы, места и практики. Переводчик и исследователь С.Зенкин, вводя читателя в проблематику коллективной памяти, акцентирует «социальную обусловленность припоминания и зависимость личного образа прошлого от внешних рамок; важна сама формула, где воспоминание запускается «другими» и поддерживается их памятью» [2]. На этой основе появляется возможность не просто пересказать сюжеты, а объяснить, почему в романах Х.Хоссейни повторяются одни и те же медиаторы памяти как письмо, фотография, сказание, календарь, городское пространство, семейный ритуал.

Методы и анализ источников. Материал собран по двум линиям, принципиально различным по статусу. Во-первых, используются русскоязычные издания трех романов, поскольку именно перевод создает вторичную культурную память текста для русскоязычной аудитории и задает устойчивые номинации реалий; важно, что исследовательница М.Неровная фиксирует: «первые два романа переведены Сергей Соколов, а перевод третьего выполнен Шамиль Мартынов, что позволяет обсуждать переводческие решения как фактор поэтики рецепции» [3]. Во-вторых, привлекается

русскоязычная научная критика, где уточняются понятия сильной позиции текста, ретроспективной композиции, исповедального тона, отложенной инициации и этнокультурной аксиологии, а также данные о мозаичности третьего романа и структурности мотива поиска счастья.

Методологически работа опирается на последовательное сочетание нарратологического чтения, мотивного анализа и сравнительно-типологического сопоставления трех романов между собой при минимальном внешнем сравнении с жанровыми моделями романа инициации. В качестве теоретической рамки задействуются идеи о жанровой динамике романа (в русской традиции через М.Бахтин), хронопе и текстовой семиотике (через Ю.Лотман), нарратологии как описанию уровней повествования и фокализации (через В.Шмид), а также антропологическая модель обрядов перехода А.ван Геннеп и сюжетная морфология В.Пропп, актуализированная в современных русскоязычных исследованиях инициации в литературе. Для анализа памяти привлечены представления о коллективной памяти М.Хальбвакс и о культурной памяти Я.Ассман как знании, воспроизводимом поколениями, что обеспечивает описательную точность при работе с травмой как с межпоколенческой передачей опыта.

Результат связан с описанием семантического каркаса трилогии. В русскоязычной научной традиции он артикулируется через сильные позиции текста, прежде всего через заглавия, которые подвергаются гиперсемантизации и работают как символические формулы целого. В исследовании С.Г.Филипповой встречается тезис: «Произведения объединены единым художественным хронотопом – Афганистан конца XX – начала XXI века» [4], и эта формула точна не только географически, но и структурно, потому что хронотоп здесь всегда связан со сменой режимов, войн и разрушений, то есть с условиями травматического опыта. Более того, заглавие первого романа привязано к национальной практике боев воздушных змеев; в этом же тексте задается длительность моральной причинности, когда герой «провел последующие 26 лет жизни, осознавая свое моральное падение». Во втором романе заглавие строится как цитатность и аллюзия на прецедентный поэтический текст: «One could not count the moons that shimmer on her roofs, or the thousand splendid suns that hide behind her walls», и смысловая перенастройка тут принципиальна, поскольку тысяча сияющих солнц становится метафорой женского выживания, а не городской красоты. Наконец, третий роман маркирован метафорой горного пейзажа, где эхо выполняет роль модели межпоколенческой передаточности, то есть повторения, которое никогда не бывает буквальным.

В первом романе инвариантная сюжетная логика, которую можно обозначить как травма плюс ответственность логика проявляется в ряде устойчивых эпизодических узлов. Детская дружба и социальная асимметрия; ежегодное состязание воздушных змеев; кульминационное не-вмешательство, после которого вина превращается в длительный рассказ о себе; эмиграция и опыт культурного разрыва; возвращение и попытка сделать иначе, когда прошлое навязывает повтор, но требует нового решения. Н.С.Шалимова выделяет «ретроспективную композицию» и «исповедальный тон», а сам путь героя читает как «отложенную инициацию», при которой провал испытания в подростковом возрасте переносится во взрослую жизнь и оформляет второй цикл посвящения» [5]. Для верификации важно, что исследовательница цитирует внутреннюю формулу памяти как судьбоносного события: «Тем, кто я есть, я стал зимой 1975 года...».

Во втором романе приватное и историческое оказываются не просто рядом, а сцепляются в общий смысловой механизм, где женская судьба становится оптикой

истории. К.М.Баранова формулирует это предельно предметно: «Семантическим центром рассматриваемого сочинения является история Афганистана через повествование о женской судьбе» [1], и в этой связке важно именно через, поскольку оно описывает медиаторный принцип поэтики. На уровне примеров этот принцип поддерживается десятками повторяющихся деталей и ситуаций: незаконнорожденность и стигма, ранний брак как социальная технология, опыт телесного подчинения, разрыв между городским образованием и деревенской архаикой, война как фон и как причина смены ритма повседневности, женская дружба как форма сопротивления, дом как пространство страха, закрывающая одежда как социальный знак, пища и домашний труд как память тела, не сводимая к идеологии, участок города или руины дворца как материальный след исторического слома.

Таблица 1. Сопоставительная матрица поэтики трех романов

Параметр сравнения	Бегущий за ветром	Тысяча сияющих солнц	И эхо летит по горам
Доминирующий режим повествования	Ретроспективная исповедь, вина как мотор сюжета	История страны через «женскую судьбу» как медиатор	Мозаика историй, сеть семейных связей
Базовый этический конфликт	Предательство и попытка искупления	Насилие и солидарность как форма выживания	Жертва, разлучение, «долг любви» на будущее
Тип организации времени	Два сшитых пласта: детство – взрослость	Исторический фон входит в повседневность через частную биографию	Перескоки между поколениями, странами, биографиями
Ключевые медиаторы памяти	Воздушный змей, возвращение, повтор испытания	Дом, одежда, руины города, телесные практики	Сказание, письмо, кладбище, «эхо» как повтор
Наиболее заметный композиционный прием	Рамочная структура начала и финала	Смысловые узлы, связывающие личное и историческое	Девять взаимопрозрачных историй как полифония
Маркеры культурной конкретности	Национальное состязание и локусы детства	Городские топонимы и материальные	Реалии быта и география, распределенные по

		следы войны	голосам
--	--	-------------	---------

Обсуждение. Полученные результаты уточняют, что своеобразие романов Х.Хоссейни укоренено не в экзотическом материале, а в способе, которым роман превращает культурную память в сюжетный закон, а сюжет в моральную ответственность. Именно здесь теоретический разговор о памяти перестает быть внешним комментарием. Если воспоминание социально обусловлено и запускается другими, то нарративная структура романа становится формой такой социальности, где персонажи вынуждены жить в чужих воспоминаниях, письмах и легендах. В предисловном дискурсе к Хальбваксу это выражено предельно лаконично: «Чаще всего я вспоминаю... потому, что... побуждают меня другие...», и в романах Х.Хоссейни именно «другие», живые и умершие, близкие и чужие, формируют рамку того, что герои способны помнить.

Заключение. Своеобразие романов Х.Хоссейни определяется устойчивым соединением этики и нарратива. Травма здесь никогда не остается содержанием, она оформляется как структура повторения, где символы и места выступают носителями культурной памяти, а сюжет становится механизмом ответственности. В первом романе это выражено через исповедальную ретроспекцию и отложенную инициацию, во втором – через сшивку истории и женской судьбы как семантического центра, в третьем – через мозаичную сеть историй, где эхо работает как модель межпоколенческой передачи. Показанные примеры и сопоставительная матрица фиксируют не менее тридцати устойчивых приемов и мотивов, которые могут быть расширены в будущем за счет корпусных методов и сопоставления переводов, а также за счет внимательного диалога с теориями культурной и коллективной памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова К. М. Мотив поиска счастья в романе Х.Хоссейни «Тысяча сияющих солнц» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 3.
2. Зенкин С. Н. Предисловие // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н.Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
3. Неровная М. А. Лингвокультурологические особенности исламских реалий в англоязычном художественном тексте и их перевод на русский язык: дис. канд. филол. наук. М., 2020.
4. Филиппова С. Г. Сильная позиция художественного текста в реализации авторской картины мира (на материале романов Халеда Хоссейни) // *Studia Linguistica*. Вып. XXVIII. СПб., 2019.
5. Шалимова Н. С. Сюжет «отложенной инициации» в романе Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 6 (42).
6. Буллер А., Линченко А. А. «Культурная память»: опыт критического анализа // *История – Память – Идентичность*. (ROI Dialogue, № 66). 2018.
7. Шадиева Лола. Художественное своеобразие прозы Халеда Хоссейни в контексте современной афганской диаспорной литературы // *Русистика и тюркология: литературные традиции, культурный трансфер и перевод: материалы Международного форума, посвященного 95-летию Бухарского государственного университета*. Бухара, 2025.
8. Хоссейни Х. Бегущий за ветром: роман / пер. с англ. М.: Фантом Пресс, 2016.
9. Хоссейни Х. Тысяча сияющих солнц: роман / пер. с англ. М.: Издательство Грамота (платформа публикации статей), 2008; М.: Фантом Пресс, 2016.
10. Хоссейни Х. И эхо летит по горам: роман / пер. с англ. М.: Фантом Пресс, 2016.